

— Черт, этот паршивый гиеноподобный слишком наглый! Быстрее, хватайте его, не дайте ему опередить нас! Нужно соблюдать честность и справедливость, давайте соревноваться по-честному!

Полузверолюди и зверолюди обсуждали всё это, не стесняясь окружающих, словно У Нин уже был у них в кармане, и это придавало им невероятной самоуверенности.

У Нин шел неспешно, но недалеко. Услышав их разговоры, он почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Сам он был зверолюдом, а как глава Секты Укротителей Зверей привык повелевать зверьми — он был их хозяином. И вот теперь эти существа добиваются его, своего господина, желая, чтобы он стал их парой и родил им потомство. Черт возьми, да это же полное извращение, прямое нарушение всех законов мироздания!

У Нин погладил маленькую черную змейку у себя на груди, стараясь успокоиться, и прибавил шаг, направляясь к общежитию по памяти. В этой спешке он совершенно забыл, насколько огромна Первая Академия и как далеко идти от ворот до корпуса.

Более получаса он буквально бежал, едва не свалившись от усталости, когда наконец добрался до двери. Не успел он перевести дыхание и взяться за ручку, как дверь распахнулась изнутри.

У Цзяньюэ выскочил наружу, схватил его за руки и с покрасневшими глазами, всхлипывая, заговорил:

— Брат, у нас со старшим братом Ли Сымином чистые отношения. Даже если ты неправильно меня понял и злишься, можешь ударить меня или отругать, я не стану сопротивляться и слова против не скажу. Но в чем провинились мои папа и мама? Они относились к тебе как к родному сыну, даже лучше, чем ко мне! Как ты мог так отплатить за доброту, как ты мог стать таким неблагодарным и подлым человеком, чтобы донести на них за жестокое обращение?

— Верно, У Нин, я не ожидал, что ты такой, — Ли Сымин вышел следом за У Цзяньюэ, полный осуждения и разочарования. — Я своими глазами видел, как твои дядя и тетя заботились о тебе. Как ты мог написать на них жалобу? Ты меня глубоко разочаровал.

У Нин дернул запястьем, вырывая руку, и отступил на шаг. Зверолюди и полужверолюди, преследовавшие его, чтобы узнать номер связи и приударить за ним, обладали острым слухом и всё слышали. Они не могли поверить, что этот прекрасный чистокровный человек, за которым они так стремились, — это тот самый У Нин, который ходит ссутулившись, опустив голову, вечно пряча лицо за волосами, и источает ауру угрюмого отброса, словно крыса из сточной канавы!

Их взгляды на У Нина мгновенно изменились: вместо восхищения и желания добиться его расположения в глазах читалось лишь презрение.

Один из зверолюдей даже выступил вперед с осуждением:

— У Нин, будучи человеком без пробужденной духовной силы, ты должен знать свое место, а не пытаться из зависти погубить главу курса У Цзяньюэ, у которого духовная сила уровня А.

— Человек должен обладать самосознанием. Если ты сам никчемный и бездарный, зачем тянуть других на дно? Ты забыл, что ты сирота? Без заботы родителей У Цзяньюэ ты был бы никем. Тебя опекали до восемнадцати лет, а ты написал на них донос! Ты отвратительнее самого мерзкого слизня в галактике. Глава У Цзяньюэ, не бойся, мы прекрасно знаем, какой ты человек. Мы верим, что твои родители такие же добрые, честные и сострадательные к слабым, как и ты.

У Цзяньюэ умел создавать успокаивающие эликсиры низкого качества и открыл онлайн-магазин, где для студентов Первой Академии всё продавалось за полцены. А благодаря духовной силе уровня А он пользовался огромной популярностью среди зверолов и полувзверолюдей.

У Нин наблюдал за их лицами и усмехнулся: во все времена и в любом месте люди поклоняются силе и ценят тех, кто умеет притворяться.

Он хмыкнул и с сарказмом спросил:

— Судя по вашим словам и обвинениям, что же мне нужно сделать, чтобы вы остались довольны?

У Цзяньюэ не уловил иронии и обрадовался: против такого ничтожества, как У Нин, ему достаточно было заплакать, показать свою слабость и обиду — и победа была у него в кармане.

Ли Сымин нахмурился, считая поведение У Нина неадекватным:

— У Нин, никто тебя не осуждает. Ты сам ведешь себя неблагодарно, как неблагодарная тварь, которую невозможно приручить.

Остальные звероловы подхватили:

— Именно! У Нин, все знают, чего ты стоишь, но никто не думал, что ты такой подлый. Донести на родных людей, которые растили тебя! У тебя вообще есть совесть? Немедленно отзови жалобу, верни дядю и тетю и на коленях проси у них прощения!

Какая досада, они ведь хотели добиться этого никчемного У Нина! Знай они заранее, кто это, ни за что не бегали бы за ним.

У Нин цокнул языком и обвел всех взглядом:

— Посмотрите на себя, как болванчики. Куда вас направят, туда вы и бьете, даже не задумываясь. Да, человек должен знать свое место. Родители У Цзяньюэ — обычные зверолов и человек, которые зарабатывают меньше двадцати тысяч звездных монет в месяц. Их годовой

зарплаты не хватит даже на покупку туалета на столичной планете. Но сейчас они живут в особняке в престижном районе столицы, а своему сыну У Цзяньюэ купили новейший оптический компьютер и пространственный узел на сто квадратных метров. Как думаете, откуда у них деньги? Чей это особняк? И если я сирота героя империи, не захватили ли они всё имущество моих родителей, чтобы на пособия, предназначенные мне, содержать себя?

Зверолюди и полузверолюди замерли в замешательстве. Они знали лишь, что У Нин — бездарный человек без духовной силы, у которого есть такой выдающийся жених, как сын принца Ли Сымин. Они не знали, что он сирота героя-мученика. Империя чтит военных, и к детям погибших героев относятся с особым вниманием — тех, кто пытается причинить им вред, прикрываясь ложными предложениями, ждет военный трибунал.

— Брат, что ты несешь?

— У Нин, какую чушь ты болтаешь? — в один голос воскликнули У Цзяньюэ и Ли Сымин.

Один испугался, а другой решил, что У Нин окончательно сошел с ума и просто хочет привлечь внимание, создавая проблемы Цзяньюэ.

У Нин смотрел на эту парочку негодяев. Они пытались давить на него морально, используя общественное мнение, чтобы натравить на него толпу, но он собирался ответить тем же. Он не из тех, кто отступает перед сильными — кто кого еще напугает!

— Я болтаю чушь? У Цзяньюэ, Ли Сымин, я еще молчу о том, как вы за моей спиной, официального жениха, крутите шашни. Я подал жалобу в Управление по делам сирот героев империи на своих дядю и тетю. Вы оба так верите в них, так почему же вместо того, чтобы подвергнуть сомнению законность и справедливость империи, вы пришли сюда допрашивать меня? А вы, зверолюди и полузверолюди, большинство из вас после выпуска отправится в легионы защищать границы! Представьте: вы проливаете кровь за империю, жертвуете собой ради её процветания, а империя в благодарность выплачивает пособия вашим детям. Вы бы хотели, чтобы кто-то другой занял ваше место и присвоил всё себе?

Слова У Нина ударили, как молот, по сердцам всех присутствующих. Для студентов Первой Академии служба в легионах была главным путем. Они не боялись смерти именно потому, что империя ценила военных и заботилась об их семьях. Если бы, как сказал У Нин, их детей лишили законных пособий, они бы с того света вернулись, чтобы свести счеты.

Настроение толпы резко изменилось. У Цзяньюэ от испуга прижался к Ли Сымину и, теряя уверенность, начал оправдываться:

— Брат, папа и мама не тратили деньги твоих родителей. Они давно зарабатывают больше двадцати тысяч — у них свой магазин, они продают эликсиры, бизнес идет хорошо. Да, я признаю, они живут в доме, который оставили тебе твои родители, но это только чтобы удобнее было за тобой ухаживать!

Ли Сымин тоже начал обвинять:

— У Нин, ты никчемный, неадекватный и бесстыдный! Цзяньюэ еще нужно как-то жить. Я не раз приходил к вам домой и видел, как родители Цзяньюэ относились к тебе как к родному. Даже если ты не пробудил духовную силу, они покупали тебе травы, чтобы ты мог учиться. Ты сам не стараешься, чего еще ты хочешь? Чтобы они носили тебя на руках? Может, ты хочешь, чтобы они вырвали духовную силу из Цзяньюэ и отдали тебе?

Это было настолько абсурдно, что Ли Сымин лишь покачал головой: ради внимания к себе У Нин готов нести любую чушь. Хорошо, что он сам видел доброту родителей Цзяньюэ, иначе тоже поверил бы в этот бред.

У Нин громко воскликнул:

— Ли Сымин, У Цзяньюэ, то, как вы сейчас из кожи вон лезете, оправдываясь и обвиняя меня, делает вас похожими на двух цепных псов. Если вы так верите в то, что видели, и в своих родителей, если ваша совесть чиста, чего вы боитесь из-за моей жалобы?

Остальные зверолюди и полужверолюди переглянулись: «А ведь этот отброс дело говорит! Если они не виноваты, чего бояться?»

У Цзяньюэ готов был разорвать его на части:

— Брат, я не боюсь, мне просто жаль, что ты так ранишь сердце моих родителей.

У Нин парировал:

— Если жалоба на них ранит их сердца, то не ранит ли сердца всех военных империи то, что они тратят мои пособия на вашу семейку?

У Цзяньюэ закусил губу:

— Ты врешь...

Взрослый мужчина, который постоянно закусывает губу и прижимается к другим — разве это не отвратительно?

У Нин прервал его:

— Вру я или нет, станет ясно через три, максимум десять дней. Тогда и поговорим. А сейчас — живо вон из моего двора и общежития!

— У Нин, не переходи границы! — Ли Сымин снова бросился защищать свою пассивность, отчитывая У Нина за строптивость. — Этот двор и общежитие первым занял Цзяньюэ. Он приложил столько усилий, чтобы добиться разрешения поселить тебя рядом и заботиться о тебе. Если кто и должен уйти, так это ты!

<http://bllate.org/book/22112/2301658>